

Борис Евсеев

ИСТОРИЯ ГИТАРЫ

У меня в руках алая полированная доска с загнутыми краями, поблёскивающая металлом и перламутром. Это электрогитара. Случилось так, что она так же мало походит на своих предшественниц, как яванский орангутанг на какого-нибудь оркестранта с бабочкой и во фраке. А уж если её включить! Ясно: не тот инструмент, совершенно не тот!

И всё же попытаемся отыскать предков этого ревущего, а временами нежно воркующего чуда, для одних, и несомненного чудища, для других. Правда, это очень и очень нелегко. Потому что история инструмента, который я держу в руках, теряется в прахе и мгле веков. И из-за своей скрытности и запутанности походит скорее на детектив, а уж никак не на чопорную, хорошо вычищенную и выщипанную профессорами всех наук историю.

Итак, судите сами.

На камнях египетских пирамид есть изображение **наблы** – инструмента, немного похожего на гитару. Набла у египтян считалась символом добра. Но это почти и всё, что о ней известно. Как на ней играли, по каким праздникам, во время каких обрядов, об этом в иероглифических надписях – ни гу-гу. А ведь о других старинных инструментах некоторые сведения до нас дошли! Но пойдём дальше. После времён Вавилона, Ассирии и Финикии предшественники и предшественницы гитары почему-то напрочь пропадают из употребления. Правда, есть знаменитая греческая **кифара**, но на гитару она всё-таки мало похожа. И признать её предшественницей нашего инструмента, несмотря на уверения некоторых учёных, довольно сложно. Итак, огромный провал во времени. Где, на каких тайных реках, на каких верфях истории собирался корабельный корпус гитары или её предшественницы, многострунной, с навязными ладами **ЛЮТНИ**, - не знаем. Знаем только, что вынырнула **гитара** в средние века у арабов. Они-то и завезли её в Испанию в XIII веке.

Впрочем, некоторые полагают, что гитару в Испанию завезли отнюдь не арабы. И что ещё во времена войн Цезаря с Помпеем в роскошных испанских долинах и на каменистых предгорьях позванивала так называемая «латинская» гитара, звуками которой после

рёва и крика сражений тешили себя воины. И слабый, будто бы голос её, извлекаемый лёгким щипком, звучал, как последняя капля вина, падающая в переполненную, чуть вздрагивающую в руке чашу.

Но так ли, не так ли, в точности, - опять же – неизвестно. И в этом снова проявляется странность истории нашего инструмента. Он как бы прячется за завесами времён, не хочет до конца выказать свою душу, свои возможности...

И всё же факт остаётся фактом. Гитара, наконец, попала в Испанию. И здесь-то её ждал расцвет. С конца XV века испанские гранды начинают соревноваться между собой, покровительствуя мореплаванию и изящным искусствам. Гитара наряду со своей родственницей (а не прародительницей, как кое-кто считает), *ВИУЭЛОЙ*, становится самым желанным инструментом во дворцах, в гостиных... Именно в этих гостиных, в этих салонах, она и стала обретать качества самостоятельного солирующего инструмента. Ну, а уж с XVI века гитара вошла, как мы теперь говорим, в массы. Кто только не играл на ней: обнищавшие кабальеро и купцы, безносые морские разбойники и лёгкие на ногу, закутанные до бровей в плащи мавры. Играли на ней влюблённые, печальники и гордецы, играли отплывающие вдаль и вернувшиеся из путешествий. Тогда же появились и композиторы, писавшие специально для гитары. Это были испанцы Корбетто, Фуэнльяна, Милан, Марин-и-Гарсия и несметное количество других, менее известных, не попавших в анналы истории. Под их умелыми пальцами гитара рыдала и смеялась, изменяла возлюбленным и меняла очертания корпуса, получала дополнительные струны, совершенствовала настройку. Словом, здесь, в Испании она прошла школу своего становления и развития. И, казалось, после такой школы никакие тернии жизни ей не страшны. Но, однако, внезапный интерес к гитаре в Испании стал глохнуть. Суровость инквизиции, более гибкие или звучные соперники: лютня, виола, скрипка и клавесин, - потеснили гитару. И почти полтора века звучание её оставалось достоянием узкого круга аристократии.

Да, ещё цыгане! Те гитару не забывали никогда. Это у них родился известный каждому и сейчас стиль «фламенко».

И вдруг через полтора века опять всплеск. Да не только в Испании! Италия! Германия! Вся Европа снова почувствовала интерес к полузабытому инструменту. И всплеск этот тоже не объяснён до конца. Потому, видимо, что и объяснить-то его логически нельзя! Но как бы

там ни было, а в конце XVIII века в Испании гитара снова звучит. И как звучит! Звучит потрясающе, потому что играют на ней настоящие виртуозы Сор и Агуадо, в Италии же – Лениани, Карулли, Каркасси... Они создают прекрасный репертуар для инструмента, обеспечивая ему тем самым долгую жизнь и благоденствие.

В это же примерно время, или чуть позже, гитара попадает и в Россию. Тот же испанец Сор с громадным успехом даёт концерты в Москве и Петербурге. Его исполнением заслушивается знать и просвещённое купечество. Нельзя сказать, что в России до этого гитару не знали. Была, была уже в России гитара, завезённая из Чехии или Польши, семиструнная. С другой настройкой и другими возможностями, приспособленная для аккомпанемента наших чудесных русских песен. Но это всё же была не та гитара. Та же, о которой мы ведём речь, шестиструнная, продолжала своё блистательное шествие по городам и весям Европы. Она звучит в лучших залах. Для неё пишут Шуберт и Шпор, гениальный Паганини и Гуно, Вебер и Диабелли...

А в России с гитарой внезапно произошло то же, что незадолго перед тем в Европе: всеобщий всплеск и необъяснимое затишье, вакхический Аполлон Григорьев и одинокое бряцание в лакейской. Седьмая струна и аккомпанемент в «людской». И всё же, несмотря на то, что инструмент объявили мещанским, появляются замечательные гитаристы: Сихра, Соколовский, Макаров. Но хотя на гитару обращают внимание Глинка, Чайковский, другие композиторы, для неё, повторим это ещё раз, наступил период молчания. И продолжался он до 20-х годов XX века, когда после концертов Андреса Сеговии и под влиянием джаза, гитара зазвучала вновь.

Можно, конечно, такое затишье объяснить. Но и здесь объяснение у писавших об этом получается не очень складное: репертуар не тот, слушатель не тот, вообще, чего-то не хватает, какого-то вечного гитарного двигателя, что ли...

А в это время в Америке уже вырубалась из подсохших лесов, кроилась из лоскутных полей чёрного Юга, из денежных неурядиц и негритянских псалмов, другая гитара. Почти та самая, которую я и держу теперь в руке.

Но сначала был джаз. Именно в его котле, под его напором гитара получила свои первые электрические токи. Негры и бродяги, странствующие поэты и конокрады. Игравшие джаз, поняли, что гитара – идеальный инструмент для них. Но чтобы выдержать условия такой

разнообразной и не всегда праведной жизни, гитара должна была стать более прочной. Не только надёжней сработанной, но и более жёсткой по звучанию. И вот американские гитары приобретают новое неоченимое качество: стальные струны. Такие струны давали совсем другой звук, лучше вписывающийся в джаз-банд, по ним можно было бряцать куском дерева или плектром. Можно было даже скользить горлышком бутылки, что, к немалому удовольствию слушателей и делалось.

А гитара продолжала изменяться. Акустический инструмент со стальными струнами хорош был для гитариста, уламывающего горстку слушателей на медяк. Но когда гитарист этот начинал соревноваться с оркестром, он оказывался в немалом затруднении. И здесь – новый прорыв. В конце 20-х годов компания Gibson изготавливает первую электроакустическую гитару ES-150. Именно на таком инструменте играл первый настоящий электрогитарист-виртуоз Чарльз Кристиан. Но и это было ещё не всё. Инструмент, на котором играл Чарли Кристиан, был в действительности всё той же акустической гитарой, лишь снабжённой звукоснимателем. Настоящая же электрогитара появилась после Второй Мировой войны. Опять всё та же компания Gibson изготавливает инструмент, который с некоторыми модификациями, переделками и усовершенствованиями и дошёл до наших времён. Итак, вечный двигатель гитары – электричество – найден?

Теперь электрогитара стала быстро распространяться, стала по-настоящему популярной. И причин тому было несколько. Во-первых, она могла держать ноту намного дольше, чем акустическая, была прочна, не так подвержена повреждениям, могла производиться большими партиями. Её стали облеплять к тому же всевозможные эффекты. Все эти «фузз-боксы», педали «вау-вау», эффекты «дисторшн», «хорус», «флэнжер» и пр., и пр...

Да, подыми мы сейчас из тлена кого-нибудь из легионеров Цезаря, или кого-нибудь из виртуозов-испанцев XVI века, они врядли узнали бы в этой полированной доске свою гитару! И всё же гитара сохранила основное: количество струн, деление на лады, настройку, а, стало быть, сохраняются аккордовые связи и основные смысловые принципы игры на инструменте.

Но всё же самый большой прорыв в популяризации гитары совершили не Чарли Кристиан, не Лауриндо Альмейда, не даже великолепный Джанго Рейнхард, не бедные итальянские виртуозы с

перепачканными золой и нечистой едой пальцами. Нет, нет и нет!

Переворот совершили The Beatles. Их музыка была настолько новой и оригинальной, роль гитары в ней была настолько необычной, что и сейчас, спустя более сорока лет после распада группы, является источником, из которого черпают все. Кто может и как может. И хотя собственно гитаристов-виртуозов в группе не было, отметим всё-таки Джорджа Харрисона. Играя в «Битлз», он пребывал как бы в тени Леннона и МакКартни. Хотя и тогда чуткое ухо могло отметить его нервные и стремительные пассажи, приобретающие постепенно явственно индийскую окраску. Позже в сольных альбомах Харрисона его увлечение *СИТАРОМ* привело к обогащению гитарной техники новыми возможностями, прибавило чисто восточного томления, неги...

Но по-настоящему продвинул гитару к высотам виртуозности Jimi Hendrix. Это был уже просто гениальный гитарист. Джимми начал осваивать гитару ещё пятилетним карапузом, потом играл в различных школьных группах. В 1964 году, 22-летним, он переехал из родного Сиэтла в Нью-Йорк, где и началась его блестящая карьера. В 1965 году Джимми организует собственную группу. И играет, играет, играет: локтями, зубами, с гитарой за спиной и под коленом, вынимая из своего инструмента неслыханные по тем временам звучания. В 1966 году его группа Jimi Hendrix Experience пробивается на самые верхи американских хит-парадов. С тех пор его музыка не умолкает. И влияние, которое Джимми Хендрикс оказал на рок, не улетучивается. Техника игры этого буйного гения гитары до сих пор остаётся неким эталоном, к которому стремятся практически все гитаристы. После ранней смерти Хендрикса (1970 год), каждый год появляются не только его альбомы, но обнаруживаются также все экспериментальные записи, клочки импровизаций, наброски.. А это уже немного пахнет бессмертием...

Совсем в другой манере играет John McLaughlin, родившийся в 1942 году в Йоркшире. Он начал обучаться музыке с девяти лет. Но на фортепиано. И лишь позже один из братьев показал ему несколько гитарных аккордов. С тех пор МакЛафлин с гитарой не расстаётся. Стилль его сформировался не сразу. Сначала он играл обычный блюз. Затем ему нравились европейская музыка и фри-джаз, которым он занялся, переехав в Германию из Англии. Позднее же он целиком погрузился, как и Джордж Харрисон, о котором мы уже говорили, в индийскую философию и музыку. Так появляется Mahavishnu Orchestra.

С этим оркестром МакЛафлин записывает ряд блестящих пластинок. И пластинки эти открывают новое направление: джаз-рок. Соединив индийские звучания с западной гармонией и аранжировкой, МакЛафлин сказал новое слово в музыке. А заодно далеко продвинул возможности гитары.

Нельзя не упомянуть и о таких блестящих гитаристах, как Ritchie Blackmore из Deep Purple, внесший в партии гитары немислимое напряжение, продвинувший технику до границ возможного, погружавший слушателей в новые невиданные образы и времена, и David Gilmor из Pink Floyd, поразивший всех небывалой мощностью исполнения и такой же небывалой чистотой звука гитары.

Были и после них гитаристы с именами, но всех перечислять мы не собираемся, да вы и знаете о них, видимо, не меньше нашего. Знаком вам, конечно, и Carlos Santana, играющий мягкий «магический» рок, записавший диски, обошедшие весь мир, обогативший гитару собственными «сантановскими» приёмами, всеми этими «перетягами», «двойными струнами», «вскриками и всплесками» на самом конце грифа. Знакомы вам и Eric Clapton, сотрудничавший неоднократно с The Beatles, и выпускник Чикагской консерватории Al Di Meola. Известны, наверное, и уже совсем близкие к нам Joe Satriani, Van Halen, Steve Vai и Yngwie Malmsteen. Кстати, Ингви с детства помышлял именно о карьере супергитариста. Начав в Швеции, он затем переезжает в США. В 1984 году появляется его дебютный сольный диск, в котором Мальмстин исполнил все гитарные партии, не исключая и партии баса. Альбом просто переполнен гитарой! И гитара эта звучит суперпрофессионально. Это хард-рок, замешанный на джазе, металле и классике. Игру Мальмстина часто сравнивают с игрой Ричи Блэкмора. Но Мальмстин, кажется, ещё виртуознее. Он любит гонять арпеджио по всему грифу, любит всякие другие головокружительные трюки. Его упрекают в однообразии, но никто не может отказать ему в совершенстве исполнения. И пока его группа Rising Force умело подыгрывает и аккомпанирует, - неистовый Ингви курит напоказ, исполняя при этом феерические пассажи. Сейчас техника – его бог, что будет дальше – покажет время.

Но, несмотря на все имена и достижения, есть, есть у электрогитары и свои трудности! Некоторые исполнители слишком упрощают и огрубляют инструмент. Другие привносят не украшающие гитару звучания. Есть хорошая практика, но нет обобщающей эту

практику теории. А она всё-таки иногда нужна, нужна, тем более что по выражению Джо Пасса «электрогитара – это ещё настолько новое явление, что мы только начинаем понимать её возможности...» Кроме того, слишком много механики. Смотрите сами: приделать гитаре руки, ноги, и механический человек-гитара с хиловатой шейкой и не слишком крупной головкой хватает какого-нибудь очередного Джанго Рейнхарда и, перевернув его на бок, как тот переворачивал гитару, извлекает из бедняги краткий радостно-испуганный визг.

Не будет ли так? Или есть ещё одно опасение. Не продолжится ли полудетективная история с исчезновением гитары из обихода? Не вытеснят ли её другие инструменты, как это уже бывало? Инструменты с громадным репертуаром, с выработывавшимися столетиями школами, с налаженной системой обучения, с профессорами, консерваториями? Не канет ли гитара опять на какое-то время в малопрозрачную реку времён? Может быть. Всё может быть.

И всё же, решив некоторые свои трудности, последовательница наблы, китаррона и лютни, электрогитара продолжит, - мы надеемся, - своё триумфальное шествие по миру, не только со своими виртуозами и классиками, но и вместе с подростом, с молодёжью, только начинающей осваивать этот удивительный и таинственный (да, да, во многом и до сих пор ещё таинственный) инструмент.

Борис Евсеев